

УДК 321.022

ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЯПОНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 40-Х ГОДОВ XX ВЕКА

Обшарская А. В.

Япония – государство стратегического значения, которое претендует на господство в Азиатско-тихоокеанском регионе (в экономической, политической и других сферах) и является одним из крупнейших геополитических игроков в мире. Ее статус в современном мире неоднозначен, и формировался он под воздействием многих факторов на протяжении длительного периода времени. Политическая система в целом и ряд политических институтов, в частности также претерпели ряд изменений с момента создания демократических институтов в конце XIX – начале XX вв. и до периода современности, не говоря о тех политических институтах, которые функционировали веками. И ключевую роль в формировании современной политической системы сыграли реформы второй половины 40-х годов XX века, которые подробно рассматриваются автором в данной статье.

Ключевые слова: политическая система, Япония, трансформация, реформы, демилитаризация.

Цель данной статьи: кратко охарактеризовать политическую систему Японии до реформ, подробно рассмотреть сами реформы и доказать, что они имеют особое историческое и политическое значение.

Трансформация политической системы Японии в послевоенный период обладает особым значением, прежде всего, поскольку она проводилась в условиях оккупации, в связи с чем в мотивации реформ важное место занимали внешнеполитические соображения. Для США, выступивших инициатором и вдохновителем процесса модернизации, важно было устранить военную угрозу со стороны Японии и минимизировать даже теоретическую возможность появления нового милитаристского режима, для чего требовались прочные основы для развития демократии в стране.

Поэтому целью реформ являлись коренная демилитаризация и демократизация Японии. В процессе модернизации необходимо было устранить те характерные черты довоенной политической системы Японии, которые позволили установить политический авторитарный режим [1]. Этими особенностями, прежде всего, были:

- полуабсолютистская монархия;

- отсутствие четкого разделения властей и распределения объема властных полномочий между разными политическими институтами;
- гипертрофированная роль бюрократии (военной, в первую очередь);
- подчиненное место представительных органов в системе власти.

Одним из первых перед реформаторами встал вопрос о суверенитете. В отличие от Конституции Мэйдзи, где источником власти выступал император, в преамбуле новой Конституции 1947 г. отмечалось, что суверенитет принадлежит народу. Народ, в свою очередь, реализует его путем всенародного избрания Парламента [2]. Необходимо отметить этот принципиальный момент, потому что он определил демократический характер новой Конституции в дальнейшем.

Институт синтоизма как официальной идеологии упразднился. Император официально отказался от своего божественного происхождения, выступив со специальной речью по этому поводу по радио 1 января 1946 года [3]. Согласно новой Конституции, император являлся лишь символом государства и народного единства, и положение его определялось народной волей. Все специальные виды полномочий императора устранялись, включая те, что осуществлялись в случае чрезвычайных обстоятельств. Император и его функции отныне стали носить церемониальный характер. Все дела императорского дома перешли в сферу ведения специального управления канцелярии Премьер-министра. Данное управление к тому же утратило какой-либо политический характер, в отличие от министерства императорского двора до войны, обладавшего значительными полномочиями.

Одновременно в рамках реформы образования из школьных программ изымались положения, пропагандирующие национальную исключительность японцев и подданныческий долг перед императором [4, с. 156].

Императорская армия была расформирована, и в Конституции появилась уникальная для того времени статья 9, в которой японская нация отказывала себе в праве решать международные споры посредством войны. Другой гарантией против восстановления милитаризма стало положение, согласно которому Премьер-министр и члены Кабинетов министров могли быть исключительно гражданскими служащими (статья 66). В дальнейшем создавались «силы самообороны», политический вес которых, безусловно, не шел ни в какое сравнение с довоенным периодом. Министерство внутренних дел, в сферу полномочий которого в довоенной Японии входила охрана общественного порядка и деятельность полиции, выборы всех уровней, включая губернаторов префектур, а также вопросы деятельности местных органов власти, ликвидировалось [5, с. 403–407].

Устанавливалась кабинетно-парламентская модель государственного устройства. Она обладала определенной преемственностью по отношению к довоенной модели, но вместе с тем обрела некоторые принципиально новые черты. Так, в рамках новой политической модели Парламент стал избираться всенародно, а глава исполнительной власти – выбираться Парламентом из числа своих членов (статья 67). Он формирует Кабинет министров, и, как указано в Конституции, последний должен состоять в своем большинстве из членов Парламента (статья 68) [2]. Каждый из членов Кабинета является главой одного из министерств. Законопроекты вносятся преимущественно от имени правительства. Важным моментом также является положение статьи 66 о том,

что Кабинет министров, будучи центральным органом исполнительной власти, несет коллективную ответственность перед Парламентом.

Новая Конституция провела довольно четкие границы в ответственности различных политических институтов, что можно интерпретировать как шаг в направлении централизации политической власти. В довоенный период она была сильно размыта, так как отдельные элементы системы власти вообще не обозначались. Но она отличалась и от американской модели, где разделение властей было проведено жестко. В Японии члены Кабинета министров совмещали в своем лице и исполнительную, и законодательную власть. По мнению исследователей, инициаторы подобной трансформации ставили перед собой цель устранить неопределенность в разграничении ответственности, что до того позволило военным узурпировать значительную часть властных полномочий – тогда параллельно с официально существующим правительством существовало еще и теневое, где реальной властью обладали военные [6, с. 177].

Целый ряд положений Конституции был направлен на закрепление центральной роли Парламента в политической системе страны. основополагающей в этом отношении стала 41-я статья, определившая Парламент как «высший орган государственной власти» и «единственный законодательный орган государства». Конституцией специально указывается монополия полномочий Парламента в отношении принятия государственного бюджета (ст. 60) и государственных финансов (ст. 83–91). Из текста Конституции исчезло старое положение о том, что в случае непринятия бюджета Парламентом в силу вступает бюджет предыдущего финансового года, которое в довоенный период являлось одной из форм контроля бюрократии над законодательной властью [7, с. 128].

Конституцией определялась двухпалатная модель парламентской системы, в целом нехарактерная для унитарных монациональных государств с демократическими принципами государственного устройства. Для Японии смысл существования двухпалатной системы заключается в создании более сбалансированной конфигурации Парламента за счет особого статуса Палаты советников, которая более устойчива к колебаниям политического процесса, поскольку, в отличие от Палаты представителей, не подвержена роспуску со стороны исполнительной власти. Депутаты Верхней палаты гарантированно получают шестилетний мандат пребывания у власти. Это обстоятельство заставляет их в большей степени думать об общенациональных интересах и долгосрочных государственных программах, чем о локальных интересах своих округов.

На вооружение были взяты и некоторые элементы американской политической системы, касающиеся, в частности, прерогативы Парламента изучать ситуацию в стране. Согласно ст. 62 Конституции, каждая из палат Парламента вправе проводить собственные расследования в отношении деятельности правительства, требовать вызова свидетелей и представления необходимых документов. В этой связи в стране создавалась система комитетов и комиссий, которые становились главной ареной проведения парламентских дискуссий. Такая система представлялась реформаторам в качестве механизма, обеспечивающего открытость процесса принятия

законодательных решений, приоритет общественных интересов, гарантию против партикуляризма в политике.

Вместе с центральным правительством была создана сильная местная власть с законодательно оговоренными прерогативами и независимым финансовым обеспечением. Так, местной администрации передавались многие функции, ранее находившиеся в ведении центральных органов власти, например, сфере образования, коммунального хозяйства, охраны общественного порядка, сбора налогов [7, с. 203-205]. Система эта основывалась во многом на американском опыте и ее целью было обеспечить больший уровень участия граждан в делах местного самоуправления и одновременно не допустить концентрации власти на центральном уровне. И в отличие от довоенной системы, руководители местных органов власти стали выборными.

Хотя процесс формирования модели местного самоуправления не был идеальным, данная реформа стала мощным толчком для демократических процессов на низшем уровне. Так, они проявлялись в таких формах политического противостояния, которые не существовали на уровне Парламента страны. В 1970-1990-е годы в ряде регионов к власти пришли левые администрации, в том числе возглавляемые коммунистическими мэрами, которые находились в оппозиции правительству и оказывали на него существенное давление по вопросам социальной и экономической политики [8, с. 190].

Была проведена судебная реформа. Так, гражданский кодекс был переписан на основе норм демократического права, а с целью повышения независимости судов ослаблены прерогативы Министерства юстиции, касающиеся контроля судебной системы, усилены полномочия Верховного суда.

Особое внимание в сфере политических преобразований следует уделить введению гарантий политических прав и свобод, таких как: свобода слова, собраний, объединений, право на создание профсоюзов, политических партий и общественных организаций. По старой Конституции права подданных могли ограничиваться действующими законами, что теперь ликвидировалось. До войны также деятельность любых политических организаций должна была быть оправдана необходимостью «защиты интересов государства». Теперь же перед реформаторами стояла цель гарантировать открытое выражение любых политических взглядов, не противоречащих при этом закону. Таким образом существовавшее до войны положение о запрете критики государственной власти предотвращалось.

Одним из важнейших шагов на пути к демократизации Японии стало введение всеобщего избирательного права. В отличие от закона 1925 г., новый закон дал избирательные права женщинам, а возрастной ценз активного избирательного права был снижен с 25 до 20 лет [там же]. Было провозглашено равенство всех граждан перед законом, а также запрещены все виды дискриминации по признакам расы, пола, религии и социального происхождения.

Отдельно в ряду реформистских мероприятий стоит изгнание из общественной жизни деятелей, занимавших ключевые посты в правительстве, политических партиях и крупнейших экономических структурах военного времени. Многие из них были привлечены к уголовной ответственности и оказались за решеткой. Это

дало шанс для выдвижения нового поколения политической элиты из числа управленцев второго эшелона, занимавших важные, но не ключевые посты в правительстве довоенного времени. Следует отметить, однако, что политические чистки не имели всеобъемлющего характера, как это было в послевоенной Германии в рамках политики денацификации, и не затронули костяк гражданской бюрократии довоенного времени. Вместе с этим институты Тайного совета и Гэнро и связанные с ними должности ликвидировались [7].

Именно из прежней бюрократии в дальнейшем черпались кадры для высшей политической элиты. Этому способствовала формировавшаяся в Японии на протяжении многих веков конфуцианская традиция высокого общественного кредита по отношению к чиновникам. Между тем с учетом того обстоятельства, что любые альтернативные политические институты, включая политические партии, были слишком слабы и не пользовались большим доверием в обществе, оккупационные власти, нуждавшиеся в институциональных инструментах проведения своей политики, были вынуждены опираться на существующие структуры правительства. Свою роль играло и то, что ограниченные чистки, проводившиеся оккупационными властями, затронули в первую очередь руководство довоенных политических партий, стоявших у власти, а также верхушку военной администрации. Таким образом, гражданская бюрократия оказалась, что называется, «вне конкуренции», заполнив собой тот вакуум власти, который образовался на волне указанных чисток.

Бюрократия стала выполнять чисто политические функции, связанные не только с реализацией стоявших перед обществом стратегических задач, но и с их формулированием. Именно из числа гражданской бюрократии вышли многие видные политические фигуры послевоенного времени, включая глав правительств (С. Ёсида, Н. Киси, Т. Исигами, Х. Икэда и др.). В дальнейшем опыт рекрутирования бюрократии на руководящие посты в неправительственные структуры превратился в своего рода традицию, а переход на работу в частные корпорации либо отставка с целью начала политической карьеры («схождение с небес») превратились в неотъемлемую стадию карьеры для так называемой «карьерной бюрократии» [8, с. 210-211].

Земельная реформа была призвана покончить с помещичьим землевладением и создать в аграрном секторе эгалитарное сообщество, которое бы стало основой для демократических процессов на низовом уровне. Следует отметить, что именно фермерские слои служили в послевоенный период важнейшим элементом системы электоральной поддержки консервативного правления [9, с. 239]. Однако в долгосрочном плане мелкие фермерские хозяйства создавали для политиков большую проблему, поскольку с трудом поддавались экономической рационализации и не подходили для тех видов сельхозпроизводства, где требуется эффект масштаба. Поэтому в дальнейшем неконкурентоспособный аграрный сектор превратился в «головную боль» для правящей администрации, которая была вынуждена в интересах фермеров отстаивать протекционистские меры во внешнеэкономической сфере, даже если эти меры не соответствовали общенациональным интересам.

Тем не менее следует отметить ряд недостатков и неудач, сопровождавших трансформацию политической системы. Многие меры носили половинчатый,

незавершенный характер. Общественное сознание далеко не всегда успевало за ходом реформ, многие из которых не соответствовали или даже противоречили ожиданиям широких масс, политическая культура которых формировалась десятилетиями. В частности, именно по этой причине реформаторы были вынуждены сохранить институт императора, хотя и в ослабленном виде. Так, они понимали, что даже попытка привлечь его к ответственности за военные преступления может привести к социального хаосу, неважно, в качестве основного или дополнительного фактора.

Некоторые идеи оказались в принципе нежизнеспособными, так как переносились из американских реалий в японские, а при существовавшем разрыве традиций это было совершенно бесперспективно. Так, идея создания автономной системы местного самоуправления соответствовала американским демократическим традициям, а еще была вызвана географическими условиями – большой территорией США, особенно в сравнении с Японией. В итоге многие положения первоначального проекта реформы так и не были приняты [там же].

В ходе изменений не удалось и полностью преодолеть такие системообразующие особенности японской политической культуры, как отсутствие традиций гражданского общества, неразвитость политических партий как института представительской демократии, гипертрофированная роль бюрократии, выполнявшей в системе государственной власти, по сути, политические функции. Несмотря на все усилия реформаторов, партисипаторное сознание так и не укоренилось в широких слоях японского электората, последний предпочитал голосовать за определенных кандидатов, а не за программы и идеологии.

Таким образом, после поражения Японии во Второй мировой войне она на длительный период лишилась возможности самостоятельно определять вектор своего развития, так как государствами-победителями была поставлена задача исключить возможность возрождения японского милитаризма. И коренная перестройка государства, проводившаяся посредством реформ, происходила в том числе с этой целью.

Ведущую роль в разработке данных реформ сыграли США, которые были напрямую заинтересованы в том, чтобы Япония превратилась из врага в страну, разделяющую американские ценности – политические, экономические и культурные, - и стала союзником. Для этого в стране требовалось создать прочную демократическую основу. Реформы, проводимые в Японии, были направлены на ее серьезную демилитаризацию и демократизацию. В процессе модернизации при этом было необходимо устранить те черты, которые сделали возможным установление авторитарного военизированного режима.

Вместе с этим японское правительство не имело право самостоятельно устанавливать и поддерживать связь с другими государствами, и внешнеполитические функции Японии находились в руках оккупационных властей.

В целом можно заключить, что принятие Конституции 1947 года и демократические реформы второй половины 1940-х годов имели решающее значение для дальнейшего развития всей политической системы. Результаты этих реформ, которые были восприняты народом Японии, определили развитие политической системы страны на весь послевоенный период.

Список литературы

1. Молодякова Э. В. Японская демократия / Э. В. Молодякова, С. Б. Маркарян // Японский опыт для российских реформ. – 1999. – №2. – С. 54–63.
2. Конституция Японии 1947 года [Электронный ресурс] // ЛитМир – Электронная библиотека [Официальный сайт]. Режим доступа: <http://www.litmir.info/br/?b=52000>.
3. Саркисов К. О. Японский тип государства. Японский феномен / К. О. Саркисов. – М., 1996. – 102 с.
4. Сила-Новицкая Т. Г. Культ императора в Японии: мифы, история, доктрины, политика / Т. Г. Сила-Новицкая – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 206 с.
5. Jansen Marius B. The Making of Modern Japan / Marius B. Jansen – Harvard, USA: Harvard University Press, 2000. – P. 936.
6. Япония: опыт модернизации / Рук. проекта Э. В. Молодякова. – М., АИРО-XXI, 2011 – 280 с.
7. Стрельцов Д. В. Система государственного управления Японии в послевоенный период / Д. В. Стрельцов. – М.: МАКС Пресс, 2002. – 304 с.
8. Tipton Elise K. Modern Japan: A social and political history / Elise K. Tipton. – London and New York: Taylor & Francis Group, 2003. – P. 258.
9. Макаров А. А. Политическая власть в Японии / А. А. Макаров. – М., 1988. – 279 с.

Obsharskaia A.V. The Special Aspects of Japanese Political System Transformation in the Second Half of 1940s. // Scientific Notes of Crimea Federal V. I. Vernadsky University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2015. – Vol. 1 (67). – № 4. – P. 151-157.

Japan is the state of strategic significance that seeks leadership in the Pacific Rim (in economic, political and other fields) and is one of the largest world geopolitics players. In modern world its status is quite complex and has been shaping under the influence of different forces for a long period of time. Japanese political system in general and a number of political institutions in particular have also changed from the moment of democratic institutions founding in the end of XIX – beginning of XX centuries till modern time. That also goes for political institutions that had been operating for centuries before that. And political reforms performed in the second half of 1940s, which are described by the author of the article elaborately, played the key role in the shaping of modern political system of Japan.

Key words: political system, Japan, transformation, reforms, demilitarization

References

1. Molodiakova E. V. Japanese Democracy / E. V. Molodiakova, S. B. Markarian // Japanese Experience for Russian Reforms. – 1999, №2. – P. 54-63.
2. Constitution of Japan 1947 [Web resource] // LitWorld – Web library [Official site]. Access mode: <http://www.litmir.info/br/?b=52000>.
3. Sarkisov K. O. Japanese State Type. Japanese Phenomenon / K. O. Sarkisov. M., 1996. – 102 p.
4. Sila-Novitskaia T. G. The Emperor Cult in Japan: myths, history, theories, politics. / T. G. Sila-Novitskaia – M.: Science. Main Office of Eastern Literature, 1990. – 206 p.
5. Jansen Marius B. The Making of Modern Japan / Marius B. Jansen – Harvard, USA: Harvard University Press, 2000. – P. 936.
6. Japan: the Modernisation Experience / project leader E. V. Molodiakova – M., AIRO-XXI, 2011 – 280 p.
7. Streltsov D. V. The State Administration System in Japan in Post-war Period / D. V. Streltsov. – M.: MAKS Press, 2002. – 304 p.
8. Tipton Elise K. Modern Japan: A social and political history / Elise K. Tipton. – London and New York: Taylor & Francis Group, 2003. – P. 258.
9. Makarov A. A. Political Power in Japan / A. A. Makarov. – M., 1988. – 279 p.